

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора психологических наук, профессора Доценко Евгения Леонидовича
на диссертационную работу Зубакина Максима Владимировича
**«Влияние черт личности и Я-концепции зрителей на психосемантические
ассоциации художественных кинофильмов со сценами насилия»**,
представленной на соискание ученой степени кандидата психологических наук
по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности,
история психологии

Актуальность исследования

Диссертационное исследование М.В. Зубакина посвящено актуальной проблеме насилия и агрессии в контексте восприятия сцен насилия в художественных кинофильмах. В работе обсуждается противоречие между негативным отношением к сценам насилия в СМИ общества в целом, с одной стороны, и наличием устойчивого спроса на фильмы, содержащие сцены насилия («экшн-фильмы», «фильмы ужасов» и т.п.), с другой. Автор полагает, что некоторые личностные качества и особенности Я-концепции зрителей играют важную роль в том, как будет оценено то или иное художественное произведение или продукт СМИ со сценами насилия, и какие возникнут у зрителей ассоциации после его восприятия. Вероятно, в этих психических структурах можно обнаружить факторы, обуславливающие вынесение зрителями насилия в свою реальную жизнь в виде агрессивного и жестокого поведения по отношению к другим людям.

Автор обозначил ряд трудностей и противоречий, не решенных в современной психологической науке. Отмечаются превалирование исследований агрессии в социально-психологическом, и дефицит исследований агрессивности в общепсихологическом и дифференциально-психологическом аспектах. Уделено внимание сложности интегрировать данные о когнитивных и аффективных эффектах наблюдения медиа-насилия и влиянии черт личности и Я-концепции на привлекательность насилия в СМИ. В частности, слабо изучен вопрос о влиянии Я-концепции на характер ассоциаций зрителей сцен медиа-насилия.

Ведущей проблемой автор называет противоречие между изучением вкладов отдельных черт личности и Я-концепции в зрительскую привлекательность художественных произведений со сценами насилия и дефицитом попыток осмыслить это влияние с интегративных теоретических позиций. Цель и задачи исследования сформулированы для решения этих проблем. Работа направлена на изучение интеграции устойчивых особенностей личности с ситуативным восприятием медианасилия, а также выявлению пределов этой интеграции, поиску теоретических конструктов для ее объяснения, а также инструментов ее эмпирического тестирования.

Теоретическая и практическая значимость диссертации

М.В. Зубакин провел теоретический анализ предпосылок для своего исследования. В работе предлагается обзор психосемантических исследований в зарубежной и отечественной психологии (Ч. Осгуд, Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев), а также проблемы измерения аффективного значения. Детально обсуждается тема психосемантики художественных произведений и восприятия сцен насилия, транслируемых в СМИ. Обзор теорий личности и Я-концепции осуществляется с акцентом на процессах активации, которые предлагаются в качестве объяснительного конструкта интеграции личности и восприятия медианасилия. Автор указывает, что экстраверсия, нейротизм, психотизм, поиск ощущений, агрессивность и враждебность могут иметь общий корень в возбуждении и активации. Концептуальная модель полимодального Я Л.Я. Дорфмана, как пишет автор, также помогает связать разрозненные черты личности и Я-концепцию с общим корнем активации. Систематизация всех этих представлений, а также положение о том, что понятие активации объясняет интеграции черт личности и Я-концепции с психосемантикой медианасилия обуславливают, по мнению автора, теоретическую значимость диссертации.

Как видим, теоретическая позиция работы М.В. Зубакина может быть обозначена как биологизаторский редукционизм – объяснение сложных личностных явлений действием биологических сил. Это ведет к лишению человека сущностных свойств личности как субъекта своей жизнедеятельности и социально ответственного поведения. В теоретических обоснованиях автор игнорирует важнейшую – отстаиваемую отечественными исследователями – характеристику человека как личности способность занимать позицию. В то время как субмодальности Я в логике Л.Я. Дорфмана мыслятся как вполне субъектные (в силу работы системы 1), в версии М.В. Зубакина субмодальности Я выглядят как производные (или едва ли не фатально обусловленные) от разного рода церебрально локализованных систем активации (с. 52). Создается впечатление, что на уровне убеждений автор склонен снимать с человека ответственность за агрессивность в его поведении.

Практическая значимость работы, по мнению автора, обеспечивается возможностью использования методик исследования для изучения личностных особенностей аудитории медианасилия в совокупности с методом семантического дифференциала. Кроме того, полученные результаты могут использоваться в обучающих курсах по психологии личности, социальной психологии, психологии массовых коммуникаций, практике психологического консультирования подростков и молодежи. Но вызывает сомнение редукционистский взгляд автора на природу агрессивности человека. Научное подкрепление характерных для обыденного сознания представлений, что причины агрессии заложены в нейронных процессах, чревато серьезными гуманитарными последствиями для общества. Соответственно, практическая значимость обсуждаемого исследования может оказаться негативной (значимой, но негативной).

Оценка новизны и достоверности полученных результатов исследования

Новизна работы определяется тем, что полученные в работе результаты расширяют знания об интеграциях черт личности и Я-концепции с ассоциациями зрителей медианасилия. Показано, что возникает не одна интеграция личностных особенностей и ассоциаций, а несколько. Это вскрывает сложность и многоплановость феномена восприятия медианасилия зрителями.

Достоверность полученных результатов обеспечивается теоретико-методологическими основаниями, логикой и стратегией исследования, использованием соответствующего диагностического инструментария и применением методов математической статистики для обработки полученных сырых данных.

Вызывает уважение объем выполненной работы: 1) в списке литературы 385 источников, из них 245 на английском языке; 2) по материалам исследования опубликована 21 работа, из них 4 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, 1 статья в издании, входящем в международную базу данных научного цитирования Scopus.

Общие замечания по диссертационной работе

1. Теоретическая часть построена эклектично. Автор представил три не связанных между собой раздела – отдельно о психосемантических исследованиях (1.1), отдельно о теориях активации (1.2), отдельно об исследованиях восприятия сцен насилия (1.3). Каждый раздел написан как самостоятельный – между ними нет пересечений ни по концептам (понятиям), ни по авторам; отсутствуют попытки увязать их вместе даже на уровне ссылок, не говоря уже о теоретическом синтезе под предмет своего исследования. А в разделе, заявленном как методологическое и теоретическое обоснование своей работы, в той же последовательности автор констатирует результаты обзора, ограничившись короткими тезисами, не содержащих аргументов в их обоснование.

2. Центральная гипотеза исследования выглядит очевидной – в семантически сжатом виде она выглядит так: ассоциативный ряд произведен от черт личности и Я-концепции. Автор не приводит аргументов в пользу неочевидного ее характера – ни одной ссылки на альтернативное объяснение тому, что ассоциации извлекаются из иной реальности, кроме жизненного мира человека, неизбежно личностно окрашенного.

3. Словосочетание «психосемантические ассоциации» содержит методологическое противоречие, а именно, смешение психической реальности (ассоциации) и способа ее описания (языка психосемантики). Это все равно что сказать «полиграфическая территория» или «нарративная жизнь» – первое слово есть способ описания/изображения реальности, которая обозначена вторым словом. Очевидна абсурдность такого сопряжения: территория, изображенная в глянцевого журнала, не становится глянцевой, как и жизнь, изложенная в рассказе, не меняет своего качества. То же и в отношении ассоциаций – они существуют сами по себе, вне зависимости от метода их исследования, а

психосемантика лишь предоставляет инструмент для такого исследования. Это тем более странный термин, что практика словоупотребления в психосемантике не знает такого словосочетания как «психосемантические ассоциации» – ни в работах Е.Ю. Артемьевой, А.Г. Шмелева и В.Ф. Петренко, ни в учебных пособиях В.П. Серкина и Е.Л. Доценко. На запрос «психосемантические ассоциации» поисковик выдает ссылки лишь на работы М.В. Зубакина, и никого больше. К сожалению, автор не потрудился обосновать новый для научного дискурса термин «психосемантические ассоциации», несмотря на то, что он вынесен в тему исследования. Искусственность понятия-кентавра «психосемантические ассоциации» легко обнаруживается в том, что как качество, так и результаты работы М.В. Зубакина становятся очевиднее, если из него убрать квалификатор «психосемантические».

4. Исследование сильно потеряло в том, что на уровне исследуемых конструктов автор ограничился факторной структурой «Оценка», «Сила» и «Активность» (ОСА), полученной Ч. Осгудом на денотативно разнообразных объектах. Структура ОСА отражает коннотативные конструкты, инвариантные по отношению к культуре, языку и характеру предметной области. Любая предметная фокусировка (в данном исследовании – на восприятие медиа-сцен насилия) неизбежно актуализирует новые конструкты, которые: а) могут представлять предметные проекции структуры ОСА и б) обязательно вскрывают структуру предметных представлений экспертов/респондентов (в данном случае – об агрессии). Психосемантика, особенно в части психологии субъективной семантики, стремится реконструировать субъективную модель предметной области, представляющую высшую ценность психосемантического исследования.

5. Спорным представляется понятие *интеграции* и *интегрированности* психологических феноменов в контексте данной работы. Например, третьей эмпирической задачей является оценка возможности черт личности и Я-концепции интегрироваться с ассоциациями при восприятии кинофильмов (см. также Вывод 6). Вероятно, под интеграцией здесь понимается вхождение концептуально разных переменных в один фактор факторного анализа. Хотя подобная логика уходит корнями в Пермскую психологическую школу (и это отмечается в работе), фактически такой результат говорит лишь о корреляции между несколькими переменными, а не об их концептуальной или эмпирической интеграции.

6. Вызывает сожаление отсутствие в тексте диссертации приложений. Без них невозможно определить степень корректности и достоверности выполненных автором исследовательских процедур, что подвергает сомнению сам смысл экспертной работы официального оппонента.

Вместе с тем, диссертация М.В. Зубакина представляет законченную научную работу с приемлемо выполненным теоретическим анализом проблемы и эмпирическими результатами, обогащающими психологическую науку. Основные положения диссертации опубликованы в достаточном количестве печатных работ, в том числе и в международных индексируемых изданиях. Результаты исследования представлены научному сообществу

